

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь
одиноким женщиной

Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Дневник *свекрови*

После *измены*

Ошибка *молодости*

Дорога *на две улицы*

Верный *муж*

А жизнь была *совсем хорошая...*

Ее последний *герой*

Вечный запах *флоксов*

Женский *день*

Кровь *не вода*

Можно я побуду *счастливой?*

Миленький *ты мой*

Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там в краю далеком
Буду тебе женой.
Милая моя. Взят бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой.
Милая моя! Взят бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня сестра.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе чужой.
Милая моя! Взят бы я тебя!
Но там, в краю далеком,
Чужая ты мне не нужна!

Пролог

Эта была высотка. Всем своим видом она унижала своих соседей, братьев и окружающих — приземистых, неказистых и нелепых. Эта волшебная башня, замок, с островерхой крышей, сказочный терем времен пятидесятых, была населена людьми. Не народом — Людьми. Людьми с большой буквы. В ней, в этой башне, как всем известно, простых людей не было. Не живут простые в сталинских башнях. Простые, привыкшие к вони в темных подъездах и сварливым соседским голосам за стеной, ютятся в убогих хрущобах с фанерными стенами, в панельных клетухах с потолками в два сорок, да в частных домишках, продуваемых, хилых, с вечно текущими крышами. И все они счастливы до смерти — свое и отдельное. И пусть потолки на голове, пусть в туалет только боком, и пусть все обедают по очереди на пятиметровой кухоньке, потому что всем не усесться. Правда, у меня и этого «счастья» нет, но ничего! Еще будет! Еще наверстаю — я же способная!

В подъезде, конечно, консьерж. Или швейцар?..

Нет, все же консьерж. Швейцар с бородой, с галунами и в важной фуражке — почти адмирал.

А здесь — бабка. Обычная бабка, которой доверена власть.

Такие, как она, обычно отрываются по полной — букашки, от которых что-то зависит!

Все, что угодно и где угодно! Не беспокойтесь — уж они-то, эти «тетки в тапках», своего не упустят! И еще — не пропустят. Не своего.

— Вы, простите, к кому? — вежливо осведомляется, а в глазах — чистая сталь. Злость одна. Даже ненависть. Хреново, наверное, сидеть тут по суткам. Задница затекает. На столе — стакан с чаем, откусанный бутерброд с колбасой и дешевые карамельки. Обед.

А я вот помешала...

Отвечаю. Глазки туплю, как положено. Ну, раз за «свою» не признала — буду паинькой, скромницей.

Не сошла за свою. Что, впрочем, понятно — глаз у этих служителей порядка — алмаз! На том и стоим.

— К Краснопевцевой? — с недоверием уточняет и впивается в меня еще пристальней. — К Лидии Николаевне? — повторяет она и хмыкает носом, слегка усмехается — типа, не верит. И еще недовольно качнула головой — типа, знаем мы вас!

И правильно, да! Соображает.

— А вы ей, простите... кем будете?

— Я? — переспрашиваю с дурацкой «первомайской» улыбкой. — Я ей родня! Дочка ее. Ну... сестры!

— Ммм... сестры?

Консьержка обескуражена и растеряна окончательно. Не знает, как быть.

— Ну а вы, — советую я, — позвоните ей, Лидии Николаевне! Она подтвердит!

— Ладно, — машет рукой консьержка, — проходите, чего уж! — И громко глотает чай.

Вот и прокололась — неправильно это. Неграмотно. И ведь сидит днями у телика. Что смотрит? Понятно — криминальные новости. Все эти бабки обожают такую фигню. Чтобы и страшненько, и интересненько. И поохать, и покряхтеть, и поделиться потом с подружкой. Повздыхать и поежиться — ох, времена!.. Довели страну, изверги!

А там ведь предупреждают таких вот ослиц — не доверять. Не пропускать. Вызвать охрану. Двери не открывать! Теток-аферисток сейчас даже больше, чем мужиков.

Но я уже в лифте. А лифт этот — ох! Впечатляет. Всем лифтам лифт! И пусть красная ковровая дорожка поистрепалась. Зато зеркало-то висит. И темные панели на стенах — гладкие, отполированные, из благородного дерева. Скамеечка у стены: устали — извольте, присядьте! Едет, правда, тряско. Гудит. Все понятно — старик. Глубокий старик...

Шестой этаж. Выхожу. Квартира напротив лифта. Деревянная дверь. Пооббитая и потрепанная — все, как положено. Рухлядь, конечно. Но все равно впечатляет. Былая роскошь. Тоже из прошлой жизни. Не заменили. Не захотели или?.. Банально не было уже денег?

Я замираю и смотрю на звонок. Над ним — латунная табличка. Имя, отчество, фамилия покойного супруга. Перечисленные регалии: академик, член-корреспондент, профессор, Народный художник, Герой Соцтруда... Смех, да и только! Кому это сейчас интересно? И ведь не поленился все перечислить!.. Любил, поди, свои звонкие звания. Умилялся.

Звонок тоже «оттуда» — медный или латунный. Облезлый.

Я выдыхаю и... Нажимаю. Колокольный перезвон — нежный и мелодичный. Совсем не тревожный. Современные звонят так, что вздрагиваешь и падает сердце.

— Кто? — минут через пять раздается осторожный и тихий голос за дверью.

Молодец! Не рвет дверь на себя — сначала интересуется.

— Лидия Николаевна, — по-овечьи блею я, — это я, Лида! Лида Канавина! Дочь вашей Полины! Из Локшинки! Я вам писала...

Тишина. Думает? Вспоминает? А вот если не откроет? И что тогда, милая Лида, поедешь обратно? В свой Н.? В свой, богом забытый уездный городишко? Вернешься домой, в село Локшинку? И все твои прожекты, милая Лида...

Ах, как все просто! Тебе не откроют, и все. Просто тебе НЕ ОТКРОЮТ.

Но — без паники! Щелкает замок, гремит дверная цепочка.

И вот дверь открыта. Только вопрос — куда?

Да в новую жизнь! Лида, вперед! И не робей! У тебя все получится!

Она стоит на пороге и смотрит — недоверчиво и подозрительно. Что ж, время такое. Ее можно понять. Если бы не фотографии Полины Сергеевны да не памятные часики с позолотой, сунутые ей прямо под нос — стоять бы мне за облезлой дверью. А потом — поторапливаться на вокзал.

Но я девочка умная. Сметливая и хитровая. Все подготовила, все. И сама подготовилась — будьте любезны! Спасибо за школу жизни — всему научила. И дорогой Полине Сергеевне отдельное спасибо!

Объяснила в далеком детстве, милая матушка, что я никому не нужна.

Я не нужна... Ну и вы мне до фени! Все, без разбора. Так и проживу свою жизнь без сердечных привязанностей. Потому что знаю, чем эти страсти кончатся. А мне так больше не надо! Совсем. Раз вы со мной так ну и я соответственно. Без угрызений совести, да. Абсолютно, заметьте, без угрызений!

Туплю глазки и смотрю в пол. Потом поднимаю — светлые, чистые, голубые. Без тени, так сказать...

Милая, скромная провинциалка. Хорошее, доброе, вполне симпатичное лицо. Косметики ноль. Руки рабочие, познавшие «жисть» — и огород, и хозяйство. Но аккуратные. Ногти подстрижены и обработаны. Волосы в косу. Не переборщила? Вроде нет, так сейчас модно. Скромная китайская кофточка, скромная юбка. Пальто.

— Нууу... — неуверенно тянет она, — проходите.

С большим, как говорится, сомнением в правильности своего решения.

Но первый шаг уже сделан, и я прохожу. Я вошла. В святая святых... Меня допустили! Пока «один — ноль», Лида. Ты молодец!

В прихожей (огромной, как танцпол в клубе) я раздеваюсь. Вешаю пальто, ровненько прилаживаю, как у нас говорят, у порога сапожки. По стенам глазами не шарю — воспитанная. Большие глаза не делаю. И не потому, что все это видела, — откуда мне? А потому что скромна. Мама так воспитала.

Лидия Николаевна тяжело вздыхает и делает царственный жест. Рука у нее очень худая, ладонь узкая, в крапках пигментных пятен, но с маникюром. А как же — звезда!

Кухня тоже впечатляет своими размерами. Метров шестнадцать, не меньше. А то и все восемнадцать! Почти как мой дом. Но грязь — несусветная! Солнце беспощадно обнажило всю подноготную — и хозяйки, и кухни.

Ладно кухня — пыль, жир и сажа на потолке и стене. Но она! Это в темноте коридора еще как-то... А здесь, на свету...

Мумия, не иначе. Сморщенное лицо, дряблая, обвислая шея. Страшные руки. Ужасно, брррр!

Ведьма. Как в детской сказке — злая колдунья.

Садится, закидывает ногу на ногу, полы шелкового (в пятнах и драных кружевах) халата распахиваются и обнажаются старые ноги — мертвого серого цвета, в крупных, перетянутых узлах синих вен, с выпирающими косточками — вальгусная стопа. Но с педикюром! Да, мастерство не пропьешь!..

Стою, глазки по-прежнему в пол.

— Садитесь, — наконец предлагает она. Ну я и сажусь.

Молчим. Начинает она.

Спрашивает про Полю — так она ее называла.

У меня по щеке катятся слезы. Вспоминая дорожку Полину Сергеевну, я всегда плачу. От жалости к себе. Ничего не забыто!

Детская травма, знаете ли... это ведь навсегда.

Про «Полю» говорю скупом — вроде мне и сейчас тяжело.

Хотя... Мне и вправду совсем нелегко... Вспоминать...

Но выстрел попал в цель — ей, кажется, меня жалко. Чуть кривятся узкие губы и дрогнули тонкие, нависшие, «черепашьи» веки.

— Да... Полю жалко!.. Поля была... замечательной! Как же вам повезло!..

Я чуть не вскрикиваю. Но, разумеется, сдерживаю крик души и боли, обиды, невыносимо горького детского одиночества. Думаю, старческое одиночество ничуть не страшнее детского! Наверное, второе даже еще хуже и злей. И страшнее.

Я моргаю, стряхивая набежавшую слезу, и часто киваю:

– Да-да! Мама... была замечательной!

Как же мне трудно произнести это слово! Потом она хмурится:

– Ну... А что... вы... сюда? В смысле – в столицу?

Я простодушна и очень честна:

– Развелась, деток нет, бог не дал... Работы в нашей дырище тоже. Хозяйство одной мне не нужно, ну, вот я и...

Она недовольно крутит головой:

– А вы думаете, что здесь – синекура?

Я вжимаю испуганно голову и развожу руками:

– Нет... Я не знаю...

– А вот я знаю! – жестко бросает она и – хлоп по столу ручонкой. – Медом здесь не намазано! – резко отвечает она. – Ни-ко-му! А вы... все сюда... претесь!.. Ну? И как думаешь жить?

Так, перешла на «ты» – уже хорошо. Может, меня пожалела? В память дорогой и незабвенной Полины?

Я бормочу, что я – учительница младших классов. Надеюсь, что учителя здесь нужны. Очень надеюсь! Ну или в детсад, методистом. В саду с голоду не помрешь. Там – питание! Сниму комнатуху... Ну или угол. Читала, что много бабулек сдают эти углы. И недорого вообще.

Лидия Николаевна усмехается:

— Угол! Ну-ну... Будешь жить с полоумной бабкой и слушать ее «мемуары».

— Что делать... Ну, значит, буду. Я стариков... в смысле — пожилых людей — уважаю! И очень жалею...

— Не за что их уважать! И жалеть не за что! — отрезает она. — Гнусные сплетники, зануды и жалобщики! Вечно ноют, что мало денег, плохие дети и нету здоровья!

Резкая. Справедливая. Откровенная.

Их... А себя, любимую, она к старикам не относит! Не хочет к НИМ примыкать.

— Ладно, — смилостивилась наконец Лидия Николаевна. — Чай или кофе?

Я пожимаю плечами — дескать, не хочу вас утруждать.

— Ну, тогда сама! — усмехается она и поудобнее устраивает на стул свою тощую задницу.

Да ведь это прорыв! Почти маленькая победа. То, что и требовалось, собственно!

Я вскакиваю со стула и бегу в коридор.

— Что случилось? — пугается она.

— Счас, счас! — отвечаю я и втаскиваю на кухню свою огромную, пластиковую, клетчатую (с чем еще ездят в столицу бедные провинциалы?) сумку.

Так, вынимаю «яички» — слово Полины Сергеевны, — литровую банку сметаны, творожок и масло в пакетах. Еще банка меда и малинового варенья.

Она вздрагивает и пугается:

— Это что?

— Продукты питания, — отвечаю, — гостинцы из Н. Все деревенское, экологически чистое! Свои «яички», сметанка и творожок! Масло вчера вот сбивали!

Смотрит с недоверием и с интересом, усмехается:
– Экологически чистое, говоришь? Ну-ну... Посмотрим.

А я уже жарю «яички» и выкладываю на тарелочку творожок. Поливаю сметанкой. Льется плохо – густая – ложка стоит! Поверх сметанки – медку. Горочкой. Он медленно оплывает прозрачной, янтарной лужицей – красота!

Мумия смотрит с удивлением, будто не видела никогда ни творожка, ни медку, ни сметаны. Пробует осторожно, чуть морщится, сводит брови и... качает головой:

– Боже, как вкусно! Божественно просто!..

Еще бы! Еще бы не вкусно! Творожок, сметану и масло взяла вчера утром на рынке. У нас. Все деревенское, чистая правда. Мед у меня был – сосед держит пасеку, а я мед ненавижу. И «яички» подобрал сосед, по пятьдесят рубчиков за десяток – очень по-божески.

Наворачивает, снова мотает башкой и приговаривает:

– Ах, боже мой! Сто лет не было такого вот удовольствия! Знаете, – путается: то «ты», то «вы», – ой, знаете, Лида, я поутру только кофе и все! Даже без хлеба! За хлебом идти неохота. Ну, раз в неделю принесет социальный работник и все. Буханку. Говорит, все хранят в морозилке. Но это ведь бред! Есть размороженный хлеб? Ни вкуса, ни запаха. Гадость! Лучше я так, с сухарем.

Я киваю и удивляюсь:

– Вот ведь чего придумали! Мороженный хлеб! Дикость какая!

– Я вообще, – увлеченно продолжает, – ем крайне мало! Просто почти не ем!